

Крутится, вертится шар...

После публикации моих воспоминаний об аттракционе "Шар смелости" (см. альманах "Дерибасовская — Ришельевская", № 12, 2003 г.) посыпались вопросы. Многие читатели в детстве видели выступления спортсменов, но путали Петра Маяцкого с Петром Голенищевым, а Петра Салашного с Михаилом Косым. Все это побудило меня вновь взяться за перо, чтобы внести ясность, ибо я одна из немногих, кто помнит всех названных.

Петр Маяцкий. Начал работать в цирке силовым акробатом еще в царской России. Зрелый мастер, постигнувший все законы цирка, он создал свой "Шар смелости", превосходивший по зрелищности "Шар смелости" П. Голенищева.

Маяцкий работал в паре с красавицей-женой Надеждой Маяцкой. Надежда лихой амазонкой носилась на гоночном мотоцикле, так что ее красоту невозможно было рассмотреть. Во время представления шар расходился на две полусферы. В верхней части шара мотоциклисты выполняли программу, потом исполнялся коронный номер — "мертвая петля". Это происходило в абсолютной темноте, с фейерверками, которые вылетали из мотоцикла.

В одесском "Шаре смелости" не было спецэффектов, поскольку, как я уже писала, он стоял на открытом воздухе. Отец с большим уважением отзывался о Петре Маяцком. Петр Никифорович тоже относился к своим собратям с приязнью: помог заказать для одесситов красивые спортивные костюмы из сафьяна.

Отец восхищался мужеством Маяцкого. После аварии во время выступления артист был изувечен: у него были переломаны ноги, руки, ребра. И все же через год он вновь вернулся в "Шар".

После смерти Маяцкого его дело продолжили жена и дочь Марина. Они успешно выступали до 1975 года, пока на одном из представлений в Красноярске не упали вместе с нижней частью шара, которую не удержал лопнувший трос.

Марина Маяцкая впоследствии придавала этой истории мистический характер. Я ее передаю дословно. Петр Маяцкий разбился в Красноярске 12 января 1963 года. Год лежал в больнице. Некоторое время еще работал и вскоре умер. Мать и дочь Маяцкие продолжали работать в "Шаре". Во время гастролей в Ленинграде аттракцион вдруг вызывают телеграммой в Красноярск.

Надежда считала Красноярск роковым городом. Она в своих просьбах послать их в любой город, кроме Красноярска, дошла даже до министра культуры. Но все было тщетно. Чем все это кончилось, вы уже знаете. Ровно через 12 лет после Петра Маяцкого, день в день, тоже 12 января, мать и дочь разбились.

Надежда и Марина получили инвалидность и занялись дрессурой. Пять лет они выступали с дрессированными собаками и гепардами, объединив их в одном номере. Позднее Марина выступала одна.

Наша семья была дружна с Эмилем Кио, главой династии иллюзионистов. С Игорем Кио я познакомилась еще ребенком. Потом как-то меня, двадцатитрехлетнюю, он пригласил поужинать в ресторан. Естественно, что я отказалась. Он приезжал в Одессу, но я не возобновляла знакомство. И вот однажды я решилась на шутку. В 1997 году во время гастролей Кио в Одессе в антракте передала ему записку такого содержания:

"Игорь! 33 года назад Вы пригласили меня в ресторан поужинать. Так сегодня я согласна".

Игорь Эмилевич вышел ко мне в гриме, и на глазах изумленных охранников мы начали хохотать до слез. И еще большее изумление у них вызвало

завершение нашей встречи целованием рук. Я была потрясена галантностью Кио больше, чем его трюками.

Одно слово — цирк!

Долгие дружеские отношения связывали моих родителей с Ниной и Петром Салашными. Эти спортсмены работали в "бочке" и "прописаны" были в Киеве.

Веселые, радушные, любящие друг друга, они приносили с собой праздничное настроение. В 1948 году они работали без страховки, отчаянно. Прожили счастливую спортивную и семейную жизнь. Родители долгое время переписывались со своими тезками. Помнится, Салашные приглашали их на свою серебряную свадьбу. Потом прислали фото, где погрузневшая Нина в белом длинном платье опирается на руку по-прежнему глядящего на нее с любовью Петра. Несмотря на настойчивые приглашения, я ни разу не побывала у Салашных в Киеве, о чем сейчас весьма сожалею. Могла бы больше рассказать об этой прекрасной чете.

В "Шаре смелости" под руководством П.Я. Голенищева выступал мотогощик Михаил Косой. Внешне некрасивый, он покорял всех своим добродушием. Улыбка не сходила с его лица. Настоящий одесский характер! Жена его Манечка была похожа на Любовь Орлову. У них росли прекрасные дети. Старшая дочь Бэлла окончила какой-то вуз и была далека от спорта. Работала по специальности.

Когда подросли сыновья Косого, Михаил ушел из "Шара" и организовал свой аттракцион "Мотогонки по вертикальной стене", т. е. "бочку". Михаил Косой возглавлял аттракцион, его жена продавала билеты в кас-

се, а сыновья выступали. Дела шли вроде бы неплохо, пока не случилось несчастье — во время выступления непонятным образом слетела цепь с мотоцикла Яна. Парень погиб. В нашей семье это горе пережили, как свое. Ведь мальчики выросли на глазах у моих родителей. И я их хорошо знала, так как часто бывала в гостях у семейства Косых в доме на Ближних Мельницах.

Вскоре Косые уехали из Одессы и затерялись где-то на просторах Америки.

Только теперь я должным образом оцениваю тот факт, что в "Шаре смелости" под руководством моего отца не было несчастных случаев. Федор Шахматов, Павел Савицкий были для отца почти сыновьями, и он берег их по-отечески. Эту оберегающую без баловства силу я ощущала и на себе. Требовательность отца всегда была разумна.

Пусть эти страницы будут скромной данью памяти классных спортсменов с душою артистов, умевших любить и дружить от всего сердца.

Р. С.

Отец никогда не настаивал, чтобы я попробовала выполнить какой-нибудь заезд в "Шаре смелости", хотя я управляла мотоциклом уже в четырнадцать лет. К аттракциону он меня подпускал только в качестве зрителя. Наметанным глазом опытного тренера он трезво оценил мои спортивные возможности.

И все же у меня в активе есть маленький "трюк". В октябре 1958 года вместе со своим курсом я отбывала трудовую повинность в колхозе с. Билки Ивановского района. Однажды мама запекла утку с яблоками и снарядила отца навесить "работяг", т. е. меня с подружками.

Нужно сказать, что в колхозе нас кормили хорошо, но бытовых условий не было совсем: ни помыться, ни постирать.

Когда отец увидел меня в поле в стоящем коробом от пота и грязи спортивном костюме, в расплзающихся текстильных тапочках, сколотых английской булавкой, его сердце дрогнуло, и он "выпросил" меня у начальства на выходной.

Пока мы с девушками расправились со всеми вкусностями, быстро стемнело.

У мотоцикла, оставленного на деревенской улице, кто-то разбил фару. Сначала отец решил ехать один, но я дала ему слово следить за дорогой, и он уступил. Мы глядели не в оба, а в четыре глаза.

Встречный транспорт нас видел, поскольку что-то мерцало над нашим передним колесом, но мы продвигались вслепую, ибо совсем не видели дороги. Так мы проехали более 60 км и благополучно вернулись в Одессу. Нет нужды говорить, какими словами встретила нас мама. С адреналином у всех троих в тот вечер было все в порядке.